1.5. Социально-экономическое положение домохозяйств

Региональные различия в доходах населения России видны невооруженным глазом, достаточно отъехать от Москвы на сотню-другую километров. Но измерить эти различия весьма непросто, данные статистики доходов дают весьма относительное представление о том, как живет население в разных регионах. Существует несколько причин, из-за которых возникают проблемы оценки положения домохозяйств, уровня и структуры их доходов:

— при наличии значительного теневого сектора экономики все статистические измерения доходов населения и их дооценки недостаточно точны, особенно на региональном уровне;

— дополнительной проблемой региональных измерений является малая выборка бюджетных обследований домохозяйств, проводимых Росстатом, что также приводит к искажениям;

— достаточно сложно точно измерить натуральные поступления от личного подсобного хозяйства, немаловажные для горожан и критически важные для сельского населения, особенно в регионах с благоприятным климатом;

— цены на товары и услуги различаются в регионах в несколько раз, поэтому доходы населения необходимо корректировать, для этого используются показатели стоимости прожиточного минимума в регионе или стоимости фиксированного набора товаров и услуг, причем каждый из показателей по-разному отражает региональную дифференциацию, особенно удорожание жизни в северо-восточных субъектах РФ и в федеральных городах.

Невысокое качество региональной статистики доходов усугубляется сложностью совокупного учета всех компонентов, влияющих на положение домохозяйств, а не только текущих доходов. Помимо денежных доходов, домохозяйства получают различные социальные трансферты в виде льгот и бесплатных общественных благ, которые также нужно учитывать в оценках совокупного потребления. Кроме того, положение домохозяйств зависит от наличия сбережений, накопленного недвижимого и движимого имущества — жилья, дач, автомобилей и других предметов длительного пользования.

Существует еще одна проблема, которую в принципе не могут решить статистические измерения, даже если они сделаны корректно. Необходимо учитывать субъективные оценки своего дохода самими жителями. Недаром говорят «для кого — щи жидки, для кого — жемчуг мелок». Доход, который кажется достаточным жителю нечерноземного села, москвич воспринимает как крайнюю бедность, и не только потому, что в Москве цены выше, но и из-за разных стандартов потребления, сложившихся в столице, крупных и малых городах, сельской местности. Субъективные оценки дохода и уровня жизни можно получить только с помощью социологических опросов, которые, к сожалению, проводятся в России по выборке, не репрезентативной для отдельных субъектов РФ. Проведение исследований во всех регионах страны по репрезентативной выборке стоит дорого и пока — дело будущего.

Региональный анализ, представленный в данном разделе, основан на статистической информации. Понимания все ее дефекты, мы старались использовать разные источники информации для получения более достоверных оценок. В разделе рассматриваются причины и уровень регионального неравенства доходов в переходный период, динамика душевых денежных доходов и их соотношение с региональным прожиточным минимумом, показаны гендерные различия в заработках по регионам, в уровне и профиле бедности. Кроме того, даны косвенные оценки уровня жизни через обеспеченность автомобилями. С помощью данных системы национальных счетов оценивается вклад социальных трансфертов в конечное потребление домохозяйств и тем самым — характер перераспределительной политики государства. С этой целью привлекались и данные бюджетной статистики. Только совокупность всех этих индикаторов дает относительно полное представление о региональных различиях социально-экономического положения домохозяйств.

Причины роста региональных диспропорций в доходах

Главная причина усиления региональных диспропорций в доходах — рост экономического неравенства. Темпы сокращения доходов в 1990-е годы во многом зависели от отраслевой структуры экономики. В регионах со специализацией на машиностроении, отраслях ВПК, легкой и пищевой промышленности экономический спад был наибольшим, и доходы населения сокращались опережающими темпами, острый характер приобрела проблема невыплат и задержек заработной платы. В регионах со специализацией на отраслях топливно-энергетического комплекса и металлургии доходы сокращались медленнее, как по причине менее выраженного промышленного спада, так и в связи с более регулярными выплатами заработной платы в экспортных отраслях. В федеральных городах высокие темпы спада промышленного производства компенсировались быстрым развитием сектора деловых услуг с более высоким уровнем оплаты труда. В период экономического роста динамика доходов населения также во многом зависела от структуры экономики региона.

Рыночные реформы сопровождались не только резким ростом цен на товары и услуги, усилились и региональные различия в стоимости жизни: в советский период поясные цены различались в 1,5 раза, стоимость региональных минимальных продуктовых наборов в 1998–1999 гг. — в 4 раза, а стоимость фиксированного набора товаров и услуг в 2003 г. — в 2,8 раза. Хотя разные показатели, используемые для оценки стоимости жизни, не вполне сопоставимы, все они фиксируют опережающее удорожание жизни не только

на севере и востоке, но и в столице страны: жизнь в Москве в полтора раза дороже, чем в среднем по стране и почти в 2 раза дороже, чем в самых «дешевых» регионах.

Вторая причина — ослабление механизмов перераспределения и территориального выравнивания доходов. Объемы перераспределения финансово-бюджетных ресурсов для поддержки слаборазвитых регионов оставались незначительными все 1990-е годы, и только с начала 2000-х годов федеральная помощь существенно возросла.

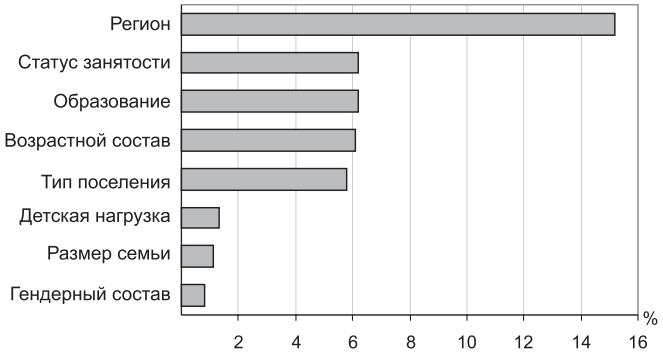

Рис. 1.5.1. Вклад социально-демографических факторов в объяснение неравенства в России в 2001 г.

Источник: Вступление России в ВТО: мнимые и реальные социальные последствия / Под ред. Л.Н. Овчаровой. Серия «Научные проекты НИСП». М., 2004. С. 58.

Еще одним фактором дифференциации стала политика региональных властей. Во-первых, регионы по-разному входили в рынок: например, в Ульяновской области и Татарстане до середины 1990-х годов сохранялись продовольственные дотации. Во-вторых, в регионах с высокой бюджетной обеспеченностью (Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, республика Татарстан) сохранились большие объемы льгот, субсидий и дотаций из доходов регионального бюджета или предприятий. Максимальные дотации на ЖКХ выделяют, как правило, наиболее развитые субъекты, особенно Москва, что еще более увеличивает региональные диспропорции в потреблении домохозяйств. В слабейших и депрессивных регионах качественное и количественное сокращение социальных трансфертов в 1990-е годы было максимальным, что привело к нарастанию различий в потреблении населения.

В результате региональные различия в уровне доходов и бедности в 1990-е годы стали намного сильнее. Значительная межрегиональная дифференциация уровня бедности отмечается всеми исследователями как специфическая социальная проблема России. Исследование неравенства в России за 1992–2001 гг., проведенное под руководством Л.Н. Овчаровой[1] на основе данных Российского мониторинга экономического благосостояния и здоровья населения (RLMS), показало, что в течение всего переходного периода именно региональное неравенство было определяющим фактором дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов (рис. 1.5.1). Помимо межрегиональных различий, на неравенство влияют факторы, связанные с типом поселения, занятостью и образованием членов семьи. Исследование «Бедность, этничность и гендер в странах с переходной экономикой», проведенное при поддержке Йельского университета, показало, что и в других странах с переходной экономикой наибольший вклад в неравенство вносят внешние по отношению к домохозяйству характеристики — региональные и поселенческие различия.

Динамика денежных доходов в период экономического роста

Резкое сокращение доходов населения в кризисный период было повсеместным, но измерить региональные различия весьма сложно, поскольку в первой половине 1990-х годов изменилась методология учета доходов. Зато есть возможность сравнить темпы роста денежных доходов жителей разных регионов в годы экономического подъема. Рост доходов населения начался только со второй половины 1999 г., поэтому в качестве базового для расчета динамики выбран именно этот год. В целом за 1999–2003 гг. реальные душевые доходы населения выросли более чем в полтора раза. Средние показатели динамики, рассчитанные для разных групп регионов, показывают, кто из них выиграл больше (рис. 1.5.2). Первым ощутило рост доходов население более «богатых» ресурсно-экспортных регионов, а также аграрного юга с развитой пищевой промышленностью. Затем

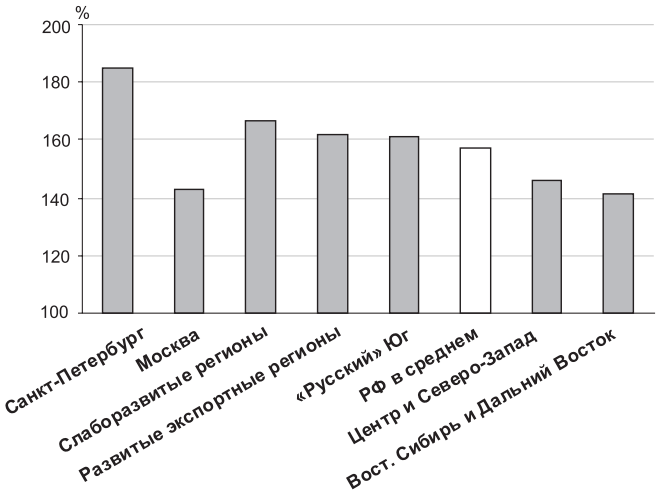

Рис. 1.5.2. Динамика реальных душевых денежных доходов, 2003 г. к 1999 г.

(*Восточная Сибирь и Дальний Восток — без слаборазвитых регионов*)

[1] Вступление России в ВТО: мнимые и реальные социальные последствия / Под ред. Л.Н. Овчаровой. Серия «Научные проекты НИСП». М., 2004.

стали быстро расти доходы населения слаборазвитых республик и округов благодаря увеличению федеральной помощи. Централизация налоговых поступлений и мощное перераспределение позволили немного сгладить различия в денежных доходах населения более развитых регионов и регионов-аутсайдеров, но это чисто перераспределительный эффект. Экономическое отставание слаборазвитых регионов настолько велико, что его невозможно компенсировать трансфертами, а при сокращении объемов федеральной помощи неравенство вновь будет расти.

Относительно проигравшими оказались «срединные» регионы Европейского Центра, Северо-Запада, Поволжья с преобладанием импортозамещающих отраслей, в них темпы роста денежных доходов были ниже среднероссийских. Минимальный рост показали регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока (без учета слаборазвитых и сверхдотационных автономных образований). В результате экономический рост оказал меньшее влияние на рост доходов населения регионов «внутренней» экономики, особенно имевших максимальный спад производства в кризисный период, а также удаленного востока страны. Особое положение Санкт-Петербурга проявляется и в динамике роста доходов населения, которые росли почти на 20% быстрее средних по стране. Этому, помимо экономического роста, способствовали масштабные перечисления из федерального бюджета к 300-летию города. При сравнении двух федеральных городов нужно иметь в виду, что в Москве динамика душевых показателей искажена значительным ростом численности населения по данным переписи 2002 г., существуют и другие проблемы, снижающие точность учета доходов населения столицы. Тем не менее, отставание Москвы от Санкт-Петербурга по темпам роста доходов не вызывает сомнений, это подтверждается показателями потребления, например, динамикой цен на рынке жилья двух городов. Однако, несмотря на высокие темпы роста, среднедушевые денежные доходы жителей второй столицы все еще вдвое ниже по сравнению с доходами москвичей.

Покупательная способность доходов

Номинальные среднедушевые денежные доходы населения и средняя заработная плата не отражают реальных различий уровня жизни в регионах из-за значительной дифференциации стоимости жизни. Для оценки покупательной способности доходов используется соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума. По этому показателю устойчиво выделяется Москва (6,5 раз в 2003 г.) и нефтегазовые округа Западной Сибири (4–5 раз). Следует отметить, что в существующей методике измерения доходов населения применяются дооценки по таким расходам, как объем товарооборота торговли, включая неорганизованные рынки, и покупка валюты. Очевидно, что в столице страны эти виды расходов включают потребление не только москвичей, и в результате уровень душевых доходов жителей столицы завышается.

За лидерами со значительным отрывом следуют около десятка субъектов — Санкт-Петербург и ведущие экспортные регионы, в том числе республики Коми, Якутия, Татарстан, Башкортостан, Красноярский край, Самарская, Пермская, Вологодская, Липецкая области (2,5–3 раза). В 2003 г. эта группа пополнилась Свердловской областью и Ненецким АО. В большинстве субъектов РФ, которых можно назвать «срединными», отношение доходов к прожиточному минимуму было и остается ниже среднероссийского уровня на 10–40% (рис. X вкладки). Регионов с минимальным соотношением доходов и прожиточного минимума (менее 1,5 раз) стало значительно меньше благодаря росту федеральной помощи: в 2001 это была 1/4 регионов страны, в 2003 г. их осталось только девять. Помимо депрессивной Ивановской области, все остальные — слаборазвитые республики и автономные округа (Дагестан, Калмыкия, Марий Эл, Ингушетия, Коми-Пермяцкий, Эвенкийский, Усть-Ордынский Бурятский и Чукотский АО). Несмотря на более высокие темпы роста доходов, они все еще не могут преодолеть значительное отставание от «срединной» группы.

Изменения в распределении регионов с разным соотношением душевых доходов и прожиточного минимума за 1997–2003 гг. показаны на графике (рис. 1.5.3). Резкое снижение покупательной способности доходов после дефолта были преодолено к 2002 г., когда распределение регионов вернулось на уровень 1997 г. В действительности улучшение было более значительным, поскольку новая методика расчета прожиточного минимума, утвержденная в 2000 г., привела к его удорожанию примерно на 20%. К концу 2003 г. (данные за IV квартал) распределение регионов еще больше сместилось вправо: стало меньше «бедных» регионов, и одновременно выросло число регионов с показателями выше среднероссийских. Кроме того, сократился диапазон различий между лидерами и аутсайдерами: средние показатели трех самых «богатых» и «бедных» субъектов РФ в 2001 г. различались в 7,4 раза, а в 2003 г. — в 5,9 раза. Однако общая картина территориальных диспропорций не изменилась, для России по-прежнему

Рис. 1.5.3. Распределение регионов РФ по отношению денежных доходов к прожиточному минимуму

характерен огромный отрыв столицы и нефтегазовых автономных округов Тюменской области при незначительных различиях в доходах населения большинства остальных регионов, за исключением самых слаборазвитых.

Структура доходов, заработная плата и пенсии

Региональные и поселенческие различия заметны и в источниках доходов: для населения крупнейших городов значительную роль играют предпринимательские доходы, в сельской местности — доходы от личного подсобного хозяйства, и только в ресурсодобывающих регионах, особенно северных, главным источником дохода остается заработная плата. В среднем по стране доля заработной платы в денежных доходах сократилась до 39%, с дооценкой на скрытую заработную плату — до 66%. В крупнейших городах доходы от вторичной и скрытой занятости слабо фиксируются статистикой, поэтому доля заработной платы формально низка (в Москве — 25% всех доходов в 2003 г. без дооценки на скрытую заработную плату). В северных и восточных регионах доля заработной платы гораздо выше (50–80%), чем на аграрном юге (25–40%), где важную роль по-прежнему играют доходы от личного подсобного хозяйства и социальные выплаты (15–24%).

Региональная дифференциация заработной платы остается важнейшей причиной неравенства доходов. Коэффициент фондов (соотношение средней заработной платы 10% работающих с наибольшей и наименьшей зарплатой) составил в 2003 г. 30 раз. По данным ИСЭПН РАН, эта разница определялась дифференциацией заработной платы на конкретных предприятиях (10–15 раз), внутриотраслевой поляризацией (20–40 раз), межотраслевой (8–10 раз) и межрегиональной дифференциацией (20–45 раз)[1], т.е. вклад региональных различий заработной платы максимален. В 2003 г. различия заработной платы в самой высокооплачиваемой отрасли реального сектора «богатого» региона и в самой низкооплачиваемой отрасли «бедного» региона измерялись в десятках раз: номинальная средняя заработная плата в промышленности автономных округов Тюменской области была в 40–45 раз выше заработной платы занятых в сельском хозяйстве Дагестана. За переходный период выросла и внутрирегиональная дифференциация: в большинстве регионов средняя заработная плата занятых в финансово-кредитном секторе в 3–5 раз выше заработков занятых в сельском хозяйстве и бюджетных отраслях, а в слаборазвитых регионах (республиках Северного Кавказа, Читинской области и др.) — в 9–13 раз выше по сравнению с заработками в сельском хозяйстве. Кроме того, в переходный период в регионах выросла доля занятых в отраслях бюджетной сферы (на 6–10 процентных пунктов за 1990-е годы), а, следовательно, и доля низкооплачиваемых работников.

Отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму трудоспособного населения различается по регионам более чем в 4 раза. В слаборазвитых и депрессивных регионах со значительной долей занятых в низкооплачиваемых отраслях — сельском хозяйстве или легкой промышленности (Ивановская область, Тыва, Дагестан, Коми-Пермяцкий АО, Агинский и Усть-Ордынский АО) — соотношение составляет 1,3–1,7 раз, в нефтегазодобывающих автономных округах Тюменской области — около 6 раз, в других округах Крайнего Севера (Чукотском, Таймырском и Ненецком) — 3,8–4,2 раз. В большинстве регионов страны средняя заработная плата примерно в 2,5 раза выше прожиточного минимума, это означает, что при одном работающем семья из 3-х человек чаще всего оказывается за чертой бедности.

В структуре доходов второе место после заработной платы занимают социальные выплаты (14%). Их доля различается от 5–7% в округах Тюменской области и на Чукотке до 20–32% в слаборазвитых республиках и округах, где значительная часть населения получает социальные трансферты. В областях Центра и Северо-Запада с наиболее постаревшим населением и максимальной долей пенсионеров социальные выплаты достигают 18–25% всех доходов жителей.

Доля доходов от предпринимательской деятельности в целом по стране невелика — 12%. Статистика показывает, что происходит территориальное перераспределение предпринимательских доходов: в середине 1990-х они концентрировались в Москве (30% всех доходов от этого вида деятельности в стране), а в 2003 г. на столицу приходилось только 18% всех предпринимательских доходов россиян. По данным Росстата, предпринимательство дает менее 10% доходов населению столицы и менее 6% — жителям Санкт-Петербурга, однако достоверность этих данных относительна. В регионах с высокой занятостью в приграничной торговле статистика также «не видит» предпринимательские доходы, их доля в Калининградской области меньше 7%, а в Приморском крае — на уровне средней по стране (13%). Более высокой долей (16–25%) теперь отличаются регионы Северного Кавказа и отдельные области с крупными городскими агломерациями — Самарская и Новосибирская. На Крайнем Севере и на востоке страны роль предпринимательских доходов заметно ниже, что вполне объяснимо.

Средний размер пенсий в стране только на 7,5% превышает прожиточный минимум пенсионера (данные на конец 2003 г.), в 2003–2004 гг. рост пенсий в 2 раза отставал от роста среднедушевых доходов населения. В 30 субъектах РФ, т.е. более чем в трети, средние пенсии на конец 2003 г. были ниже прожиточного минимума пенсионера, в отдельных автономных округах (Чукотском, Корякском, Эвенкийском) — почти в 2 раза, в них невозможно выжить на пенсию. Из-за удорожания жизни бедность пенсионеров наиболее велика на севере и востоке страны: средние пенсии ниже прожиточного минимума во всех регионах Дальнего Востока,

---

[1] *Римашевская Н.М.* Стратегии социальной защиты населения // Народонаселение. 2001. № 1.

в 10 из 16 регионов Сибирского федерального округа, в автономных округах тюменского севера и на Европейском Севере. Средние пенсии в Москве также значительно ниже прожиточного минимума — на 18%. Начавшаяся в 2005 г. монетизация льгот показала, насколько уязвимо положение российских пенсионеров, особенно жителей крупных городов, северян и дальневосточников.

Гендерные различия в доходах

Заработки женщин в России существенно ниже мужских и составляют, по разным оценкам, 60–70% о заработной платы мужчин. Известны и основные причины такого неравенства, они заключаются в горизонтальной (межотраслевой) и вертикальной (статусной) сегрегации. Проще говоря, женщины работают в основном в отраслях с низкой оплатой труда и медленнее продвигаются по карьерной лестнице. На уровне регионов, помимо общих для страны барьеров, работают и другие, причем по-разному. Исследования доходов и заработной платы позволяют выделить четыре фактора гендерных различий в заработках, объясняющие региональные диспропорции:

— отраслевая структура занятости;
— экономическое развитие и уровень доходов населения;
— уровень образования населения;
— возрастная структура.

Суммарное воздействие этих факторов очень разное. В наиболее постаревших регионах с сократившейся занятостью в промышленности, а также в слаборазвитых и аграрных регионах с пониженным образовательным уровнем населения и низкими доходами различия в заработках женщин и мужчин сглаживаются. Наоборот, в регионах с преобладанием добывающих отраслей, с более молодой возрастной структурой, более высоким уровнем доходов и образования гендерные диспропорции увеличиваются. Анализ статистики заработной платы мужчин и женщин за 2002–2003 гг. в основном подтверждает характер воздействия этих факторов (табл.1.5.1).

Таблица 1.5.1. Типы регионов по уровню гендерных диспропорций заработной платы

Отношение зарплаты женщин к зарплате мужчин, %	Тип регионов по сочетанию факторов	Регионы
Максимальные различия (56–63)	а) северные и восточные регионы с преобладанием добывающей промышленности экспортной ориентации, относительно молодой возрастной структурой	Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, республики Коми, Хакасия, Кемеровская, Мурманская, Томская, Тюменская области, Красноярский край
	б) регионы Европейской части с преобладанием экспортных отраслей промышленности и более высокими доходами населения, средним уровнем образования	Астраханская, Белгородская, Вологодская, Липецкая, Самарская, Свердловская Оренбургская области, республики Татарстан, Башкортостан
Близкие к среднероссийским (64–69)	Преимущественно средние по уровню развития, с разным уровнем образования и возрастной структурой	более 30 регионов
Пониженные различия (69–80)	а) наиболее развитый с максимальным уровнем образования	Москва
	б) ниже среднего по уровню доходов, со старой возрастной структурой и пониженным уровнем образования	Брянская, Владимирская, Воронежская Ивановская, Костромская, Кировская, Пензенская, Орловская, Псковская, Тамбовская, Тверская области
	в) полуаграрные с пониженным уровнем образования и доходов	Краснодарский, Ставропольский, Алтайский края, Курганская область
	г) слаборазвитые полуаграрные республики с более молодой возрастной структурой	Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Чувашия
	д) восточные регионы с доходами ниже среднего и более молодой возрастной структурой	Эвенкийский АО, Читинская область и большинство регионов Дальнего Востока
Минимальные или равенство (82–113)	Наименее развитые регионы	Республики Алтай, Тыва; Коми-Пермяцкий, Агинский Бурятский, Усть-Ордынский Бурятский АО

Справочно: в среднем по РФ — 64% в 2003 г.

Особо следует выделить столицу, в которой благодаря опережающей модернизации гендерных ролей высокий уровень образования начинает работать «как положено», т.е. как фактор сокращения неравенства в доходах, поэтому диспропорции в заработках (71%) меньше средних. Пример Москвы, где более 42% занятых имеют высшее образование, показывает эффективность образования как механизма выравнивания статусов, хотя этот механизм пока и не работает в стране в целом. В депрессивных, аграрных и особенно слаборазвитых регионах с низкими доходами населения заработная плата женщин близка к мужской, однако это равенство в бедности.

Пенсии женщин в среднем по стране немногим ниже пенсий мужчин (92% в 2003 г.), в предыдущие годы сохранялось примерно такое же соотношение. Гендерные различия по регионам не всегда объяснимы,

хотя в целом они выше на юге (80–86%) — во всех регионах Южного федерального округа, на юге Приволжского ФО (в Башкортостане, Оренбургской области), а также на юге Урала (Челябинская и Курганская области). Повышенное гендерное неравенство пенсий в южных регионах Европейской части страны и Урала может объясняться более высокой занятостью женщин в личном подсобном хозяйстве и поэтому меньшим трудовым стажем, что отражается на размере назначенных пенсий. В большинстве регионов Центра, Северо-Запада и особенно на Крайнем Севере и Дальнем Востоке эффект выравнивания выражен сильнее. Макроразличия между севером и югом весьма устойчивы, но сами показатели гендерного неравенства пенсий в регионах изменяются год от года, хотя и незначительно.

Косвенные индикаторы материальной обеспеченности

Уровень жизни населения, помимо текущих доходов, измеряется и накопленным имуществом. Этот компонент благосостояния дает возможность учитывать теневые доходы, что крайне важно для России. В международных сопоставлениях в качестве общепринятого индикатора уровня жизни используется обеспеченность легковыми автомобилями в личной собственности, однако для отдельных регионов России этот показатель дает искажения, связанные с институциональными и географическими причинами. В эксклавной Калининградской области и пограничных регионах Дальнего Востока длительное время существовал льготный режим ввоза импортных автомобилей, что привело к значительному росту обеспеченности. Наоборот, в регионах Севера показатели обеспеченности автомобилями ниже, независимо от доходов населения, поскольку ограничителем является слаборазвитая дорожная сеть.

Сравнения покупательной способности доходов и обеспеченности легковыми автомобилями на 1000 населения дают весьма любопытные результаты, далеко не всегда подтверждая тесную взаимосвязь между текущими доходами и накопленным имуществом. На рисунке 1.5.4 представлены субъекты РФ с максимальной и минимальной (за исключением слабозаселенных регионов) обеспеченностью автомобилями, а также соотношение душевых доходов населения и прожиточного минимума в этих субъектах. Все данные пересчитаны относительно средних по РФ. Судя по высокой автомобилизации, недооценены доходы жителей южных «русских» регионов (особенно Краснодарского края и не представленной на графике Ростовской области), имевших повышенную обеспеченность личным транспортом и в советское время. Недооценены и доходы жителей Подмосковья — многие из них работают в столице и имеют более высокие заработки, не фиксируемые статистикой. В депрессивных областях Центральной России несовпадение двух индикаторов также вызывает сомнения в точности оценки доходов населения: в Ивановской области доходы явно недооцениваются статистикой, а в Брянской — скорее, наоборот, и причиной может быть заниженный прожиточный минимум. В то же время в наименее развитых республиках низкая обеспеченность автомобилями совпадает с низким уровнем доходов, хотя принято считать, что жители всех северокавказских республик получают большие теневые доходы.

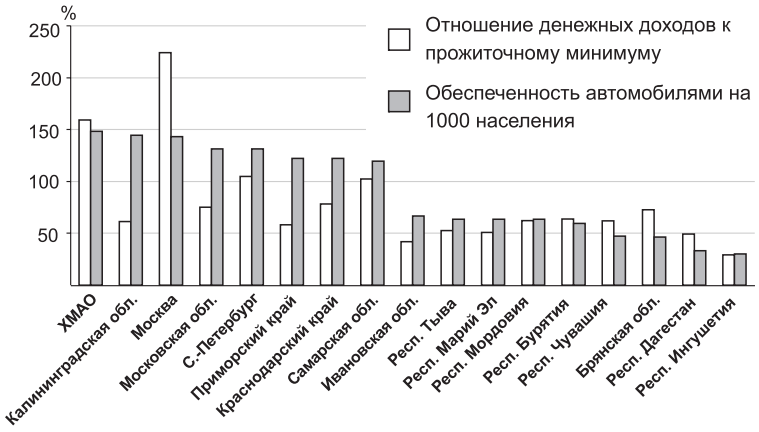

Рис. 1.5.4. Отношение покупательной способности доходов населения и обеспеченности легковыми автомобилями в отдельных субъектах РФ к средним показателям по РФ

Косвенная оценка доходов с помощью показателя автомобилизации весьма полезна, но не может дать полного представления о региональном неравенстве уровня жизни. К тому же не стоит забывать, насколько различен парк личных автомобилей в регионах страны: в более бедных областях и республиках в основном это старые «Жигули» для выезда на садовый участок, в крупных городах и экспортных регионах — иномарки, среди которых все больше новых автомобилей.

Уровень бедности

Чтобы правильно оценивать масштабы бедности в регионах России, важно понимать методологию ее определения и измерения. В нашей стране бедность измеряется на основе абсолютной концепции — как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, который рассчитывается в стоимостном выражении и включает минимально необходимый набор товаров и услуг, закрепленный соответствующим законом. Изменения методики расчета прожиточного минимума влияют на показатели бедности. Так, применение новой методики расчета прожиточного минимума с 2000 г. привело к повышению черты бедности примерно на 20%, поэтому уровень бедности в 2000 г. почти не менялся по сравнению с 1999 г., несмотря на экономический рост и рост доходов населения.

Достоверность данных об уровне бедности относительна и потому, что она зависит от точности учета доходов населения, а для стран переходной экономики это остается проблемой. В России используются два

основных метода оценки уровня бедности — по денежным доходам с дооценкой на основе макроэкономических показателей и по располагаемым ресурсам, включающим натуральные поступления и используемые накопления (данные выборочных обследований бюджетов домохозяйств). В качестве официального показателя уровня бедности используется первая, так как дооценка балансовым методом позволяет скорректировать доходы населения по расходам, и поэтому уровень бедности по доходам ниже, чем по располагаемым ресурсам.

Проблема массовой бедности стала одной из острейших проблем переходного периода, доля малоимущих в 1990-е годы достигала 30% населения страны. Помимо традиционной бедности социально уязвимых групп населения (многодетных и неполных семей, инвалидов, безработных), в России появилась новая бедность — полных семей с работающими родителями, заработная плата которых не обеспечивает семье прожиточного минимума. В конце 1990-х годов доля «новых бедных» составляла половину всего населения с доходами ниже прожиточного минимума.

За 2000–2003 гг. уровень бедности в России снизился с 30 до 20% населения, но региональные различия остаются очень высокими. География бедности во многом схожа с географией покупательной способности доходов населения (соотношения душевых денежных доходов и прожиточного минимума), так как именно низкие доходы являются базовым фактором бедности. Минимальную долю бедных в 2003 г. имели нефтегазоэкспортные округа Тюменской области (8–11%), а максимальный уровень, близкий к тотальной бедности, сохраняется в Усть-Ордынском Бурятском АО и Ингушетии (83%), хотя показатели Ингушетии наименее достоверны. Для большинства регионов страны характерны средние показатели бедности и несколько выше средних (20–30% в 2003 г.), таких регионов около 40% (рис. XI и XII вкладки)

Уровень бедности зависит не только от величины среднедушевых доходов, но и от распределения этих доходов по группам населения. Для оценки распределения используется коэффициент фондов — отношение доходов 10% населения с самыми высокими доходами к 10% населения с самыми низкими доходами. В среднем по России он весьма высок — более 14 раз. Однако в областях Европейского Центра, в части Поволжья и на «русском» юге расслоение меньше (в 8–11 раз), а более низкая стоимость жизни помогает избежать бедности даже при относительно невысоких доходах. В Москве поляризация населения по доходу огромна: коэффициент фондов достигает 52 раз. В результате уровень бедности в столице не отличается от среднероссийского (20% в 2003 г.), несмотря на самые высокие доходы в стране. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в Москве — более 2 млн. человек, это почти 7% всех малообеспеченных россиян.

В относительно развитых и ресурсно-экспортных регионах доля бедного населения также близка к среднероссийской (18–25%), а поляризация доходов особенно велика в республике Коми, Самарской и Свердловской областях (17–21 раз). Помимо поляризации, в ресурсодобывающих регионах севера и востока страны еще одним фактором бедности стала высокая стоимость жизни, особенно проблемная для пенсионеров и семей с детьми. Только в двух автономных округах Тюменской области уровень бедности вдвое ниже среднероссийского, несмотря на высокую поляризацию доходов (18–20 раз). В этих округах добывается почти весь российский газ и большая часть нефти, поэтому заработная плата максимальна, а высокие доходы бюджетов при относительно небольшой численности населения позволяют проводить мощную перераспределительную политику в виде доплат к заработной плате занятым в бюджетных отраслях, многочисленных пособий и льгот. Однако опыт Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО вряд ли можно распространить на всю страну — у других регионов нет таких доходов.

Динамика уровня бедности в регионах весьма показательна. В наихудшем 1999 г. обвальное нарастание бедности после дефолта происходило не только в слаборазвитых республиках и округах, но и в значительной части «срединных» регионов. Они же в период экономического роста достаточно медленно выходили из кризисной зоны. При ухудшении экономической конъюнктуры уровень бедности в «срединных» регионах может вновь значительно вырасти, поскольку их положение неустойчиво. Регионы с крайними значениями более стабильны, и за годы экономического роста региональная поляризация по уровню бедности практически не изменилась: в 1999 г. средние показатели пяти самых неблагополучных субъектов были хуже пятерки самых благополучных в 4,8 раз, а в 2003 г. — в 4,7 раз.

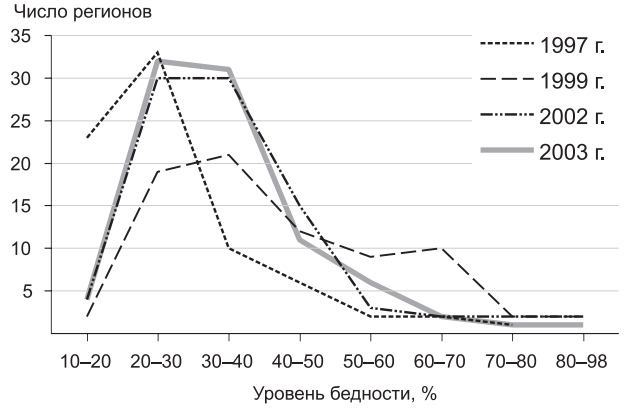

Рис. 1.5.5. Распределение регионов по уровню бедности

В отличие от распределения по отношению доходов и прожиточного минимума, распределение регионов по уровню бедности в 2003 г. еще не вернулось к додефолтным показателям 1997 г. (рис. 1.5.5). Это означает, что практически во всех регионах малообеспеченные группы населения оказались отодвинутыми от растущего денежного «пирога», доходы распределялись не в их пользу, а социальная поддержка малообеспеченных групп населения была недостаточно

эффективной. Возросшее неравенство в доходах в сочетании с повышением стандартов потребления основной части населения приводят к тому, что малообеспеченные домохозяйства ощущают собственную бедность и социальную исключенность все более остро.

Масштабы и география крайней бедности (доли населения с доходами ниже половины прожиточного минимума среди всех бедных) изменились за пять лет экономического роста. В наихудшем 1999 г., когда в число бедных попало до половины населения многих регионов, региональная дифференциация крайней бедности была достаточно сильной. В наименее развитых республиках и округах доля крайне бедного населения достигала половины всех живущих за чертой бедности, однако в большинстве областей «срединной зоны» бедность не имела застойного характера, и поэтому доля крайне бедных среди малообеспеченного населения была в 3–5 раз ниже, за исключением некоторых регионов Сибири. В развитых субъектах РФ с относительно невысоким уровнем бедности отмечалась как повышенная доля крайне бедных (20% и более), что характерно для столицы и ведущих экспортных регионов с максимальной поляризацией по доходу, так и пониженные значения в регионах с более благоприятными условиями жизни или локализацией ареалов высоких доходов в отдельных городах.

К сожалению, статистические органы перестали публиковать показатели доли крайне бедного населения в регионах, поэтому приходится ориентироваться только на общие для страны тенденции. Они показывают нарастание различий в доходах (среднедушевых располагаемых ресурсах) всего бедного населения и крайне бедного. Так, в 1999 г. ресурсы бедного населения были ниже прожиточного минимума на 39%, а в 2003 г. дефицит сократился до 32%, бедность в целом стала менее глубокой. Но для крайне бедного населения изменения минимальны — дефицит ресурсов изменился с 64% до 62% в 2003 г. Это означает, что в зоне крайней бедности концентрируются наиболее проблемные домохозяйства, не имеющие ресурсов (здоровья, образования, мотиваций и др.) для адаптации к рынку и получения более высоких доходов. А такие домохозяйства намного труднее вывести из бедности.

Снижение уровня бедности в России признано одним из приоритетов политики государства, но пока позитивных изменений не так много. Мешает не только медленный рост доходов бедного населения и сохранение значительного неравенства по доходу, но и неэффективность существующей системы адресной социальной защиты. Даже имеющиеся доходы далеко не всегда используются на адресную поддержку бедного населения, а с началом монетизации льгот эта форма и вовсе отошла на второй план, вновь усиливается неэффективный категориальный принцип социальной помощи. Значительные риски роста бедности возникают в связи с повышением цен на услуги ЖКХ и предстоящей реформой этого сектора.

Социальные трансферты

Источников данных о социальных трансфертах государства несколько. Во-первых, это данные бюджетных обследований домохозяйств. В них учитываются только социальные трансферты в виде выплат и льгот, к тому же региональная выборка обследований не всегда позволяет получить репрезентативные данные по их объемам и структуре. Эти обследования показывают, что в 2003 г. почти 40% домохозяйств страны получали дотации и льготы. Региональная дифференциация, на первый взгляд, трудно объяснима: в Центре максимальную долю получателей (60%) имели как бедные Брянская и Тверская области, так и относительно развитая Ярославская; на Северо-Западе лидируют также относительно развитые регионы — Мурманская область (77%) и республика Коми (61%). В самых бедных регионах Южного округа (Калмыкия, Ингушетия, Дагестан) доля получателей льгот и дотаций не превышает 3–7%, а в Ростовской области их 46%. В слаборазвитых восточных республиках и округах доля получателей также минимальна (в Чукотском, Корякском, Эвенкийском, Бурятских АО — 5–17%, в Тыве и Читинской области — менее 1/4 домохозяйств), а в Новосибирской области и Хабаровской крае их почти половина.

Низкий охват домохозяйств слаборазвитых субъектов РФ льготами и дотациями объясняется просто — основная часть этих трансфертов идет на оплату жилья, коммунальных услуг и транспортные расходы, поэтому основными получателями стали жители наиболее урбанизированных регионов освоенной части страны. Единственное исключение — незначительный охват домохозяйств столицы (17%), объясняемый высоким уровнем доходов москвичей. Таким образом, социальные трансферты в виде дотаций и льгот, получаемых домохозяйствами, в основном работают как частичная компенсация удорожания жизни в городах.

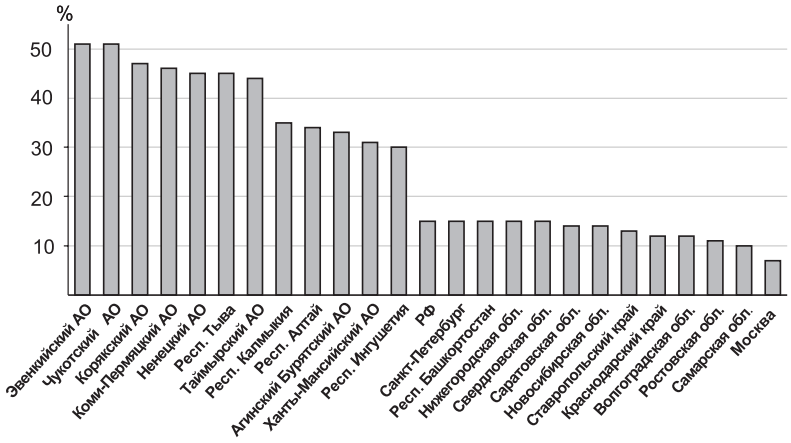

Рис. 1.5.6. Доля социальных трансфертов в натуральной форме в совокупном конечном потреблении домохозяйств субъектов РФ в 2002 г.

Информация о неденежных социальных трансфертах представлена в системе нацио-

нальных счетов при расчетах конечного потребления домохозяйств, которое формируется двумя составляющими — расходами населения и социальными трансфертами в натуральной форме, т.е. вкладом государства в совокупное потребление домохозяйств (расходы на образование, здравоохранение и др.). В период экономического роста (за 1999–2002 гг.) доля социальных трансфертов в конечном потреблении домохозяйств увеличилась с 11% до 15% в среднем по субъектам РФ. В большинстве регионов эта доля составляет 15–20%, за исключением Крайнего Севера и слаборазвитых восточных регионов, в которых вклад государства в потребление домохозяйств достигает 30–50% (рис. 1.5.6). Удорожание жизни на севере и востоке вынуждает государство тратить больше средств на социальные услуги, при этом в слаборазвитых автономных округах и республиках основные расходы ложатся на федеральный бюджет. В «богатых» нефтегазодобывающих округах высокая доля социальных трансфертов в потреблении домохозяйств связана не только с удорожающим фактором, это политика региональных властей, подкрепленная финансированием из высокообеспеченных бюджетов регионов.

В слаборазвитых регионах юга, за исключением Калмыкии и Ингушетии, вклад социальных трансфертов в конечное потребление (16–20%) мало отличается от среднего по стране, потому что на юге короче отопительный сезон и ниже заработная плата занятых в отраслях социальной сферы. По той же причине понижена доля социальных трансфертов в конечном потреблении домохозяйств других регионов юга, более развитых. Еще один удешевляющий фактор — высокая концентрация населения, поэтому в регионах с большими городскими агломерациями и в Санкт-Петербурге доля социальных трансфертов государства также невелика. Самые низкие показатели имеют федеральная столица (7%) и автомобильная столица России — Самарская область (10%). Причина не только в агломерационном эффекте, но и в методике расчета ВРП, завышающей оценки расходов домохозяйств в этих субъектах — их нельзя «очистить» от расходов жителей других регионов, приезжающих в Москву за покупками, в Тольятти и Самару за автомобилями. Завышение объемов личного потребления приводит к снижению доли государства в фактическом конечном потреблении домохозяйств.

В итоге получается, что государство перераспределяет натуральные социальные трансферты в основном по географическому признаку — на север и восток страны, обеспечивая содержание инфраструктуры в неблагоприятных природно-климатических условиях. При такой географии социальных трансфертов недофинансируются центральные и южные районы страны, в целом снижается эффективность расходов государства на социальные цели.

Еще один источник информации — бюджетная статистика Министерства финансов. Как уже отмечалось в разделе, посвященном экономическому развитию регионов, душевые социальные расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ различались в 2003 г. в 10 раз даже с поправкой на стоимость жизни в регионах. Душевые расходы на социальную политику дифференцированы несколько меньше — в 8 раз.

Исследования О.В. Кузнецовой показывают[1], что душевые расходы на социальную политику находятся в прямой зависимости от соотношения денежных доходов и прожиточного минимума в регионе: чем богаче население, тем больше расходы бюджета на социальную политику. Этот парадокс объясняется двумя причинами. Во-первых, более высокий уровень доходов населения характерен для регионов с более высоким уровнем бюджетных доходов, следовательно, в таких регионах есть возможность тратить больше средств на социальную политику. Во-вторых, более высокий уровень доходов населения сопровождается, как правило, и более высоким расслоением населения по доходам, поэтому власти относительно благополучных регионов должны тратить значительные средства на социальную защиту малоимущего населения.

По душевым расходам на социальную политику (за вычетом расходов на детские пособия) лидируют тюменские автономные округа, с поправкой на стоимость жизни их расходы в 2,5–5 раз выше средних по регионам. В Москве объем расходов превышает среднероссийский уровень более чем в 2 раза, в Санкт-Петербурге — в 1,7 раз, следом идут дальневосточные регионы — Якутия и Магаданская область. В более бедных регионах юга (Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае), Центра и Поволжья (Воронежской, Кировской, Ульяновской областях) объем душевых расходов на социальную политику вдвое ниже среднероссийских.

В 2003 г. государственные пособия гражданам, имеющим детей, составляли в среднем по регионам 13% расходов на социальную политику. В Москве и Ямало-Ненецком АО их доля была меньше 2%, а в большинстве республик Северного Кавказа, в Тыве и бурятских автономных округах достигала 28–43%. Высокая доля расходов на детские пособия объясняется не только повышенной долей детей в возрастной структуре населения республик и округов, но и нехваткой денег на другие виды помощи. И в других регионах с низкими бюджетными доходами, где на социальную политику выделяется мало средств, они в основном уходят на выплату детских пособий. Например, в Курской, Кировской, Ульяновской, Курганской областях, Удмуртии, Алтайском и Ставропольском краях на выплаты детских пособий расходовалось 28–34% средств, выделенных на социальную политику. В целом доля пособий на детей в структуре социальных расходов регионов находится в обратной зависимости от уровня благосостояния населения: чем беднее население, тем выше доля расходов на детские пособия.

---

[1] Проект НИСП «Доступность социальных программ и услуг для российского населения: распространенность и неравенство». Подробнее см.: http//www.socpol.ru

До 2005 г. государственные пособия гражданам, имеющим детей, финансировались за счет субвенций из Фонда компенсаций федерального бюджета. По новому федеральному закону (ФЗ 122) полномочия по их выплате переданы регионам, но без передачи источников финансирования. И хотя Министерство финансов стало учитывать потребности регионов по выплате детских пособий при расчете трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности, регионы лишились устойчивого и прозрачного источника финансирования важнейшего вида социальной помощи. В очевидном проигрыше оказались именно бедные регионы, которые должны изыскивать значительные средства на выплаты пособий на детей.

Монетизация льгот

Разграничение полномочий между уровнями бюджетной системы сопровождалось передачей в ведение субъектов федерации целого ряда социальных обязательств. Среди них не только выплата детских пособий, но и социальная защита ветеранов труда, тружеников тыла, репрессированных и других групп получателей льгот. Расходы по этим категориям льготников также перекладывались на регионы федеральным законом (ФЗ 122).

«Нагрузка» региональными льготниками сильно дифференцирована по регионам, особенно по числу репрессированных и членов их семей: в Ингушетии это 45% населения, в Калмыкии — 8%, в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии — 4–5%, а в большинстве регионов — доли процентов. Во многих регионах статус ветеранов труда в массовом порядке получали почти все пенсионеры, чтобы иметь льготы (Башкортостан, Калужская, Владимирская, Самарская и другие области), а есть регионы, в которых доля лиц, относящихся к региональным льготникам, не превышает 4–6% населения, в основном это республики и слаборазвитые автономные округа с более молодой возрастной структурой. Ситуация в регионах оказалась чрезвычайно разной!

Монетизация льгот для региональных категорий льготников не была обязательной, в отличие от федеральных, однако Министерство финансов рекомендовало регионам проводить ее с выплатой 300 руб. труженикам тыла и 200 руб. ветеранам труда. Почти пятая часть субъектов РФ отказалась от монетизации для своих категорий льготников. Среди 15–17 таких регионов есть самые богатые (Москва и Ханты-Мансийский АО) и относительно благополучные (Красноярский край, Кемеровская, Свердловская области), почти все они сохранили бесплатный проезд на городском транспорте даже федеральным льготникам, получающим денежную компенсацию, а некоторые — всем пенсионерам. Большинство более развитых регионов, отказавшихся от монетизации, возглавляют опытные губернаторы-«тяжеловесы». Также не монетизировали льготы отдельные среднеразвитые (Новгородская, Смоленская области, Хакасия) и бедные регионы (Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия). В них, помимо субъективных факторов, на принятие такого решения повлиял и дефицит финансовых ресурсов.

Полностью монетизировали все виды льгот только 4–5 субъектов РФ, хотя ситуация с оплатой жилищно-коммунальных услуг в части из них остается неясной. Только Тюменская область не испытывает проблем с финансовыми ресурсами, получив в 2005 г. 20 млрд. руб. (эта сумма почти равна бюджету области) в виде перечислений от двух автономных округов по недавно заключенному договору между всеми субъектами, составляющими Тюменскую область. В Татарстане разработана очень детализированная система выплат, компенсирующих отмененные льготы, при этом бюджет республики — один из самых благополучных благодаря существенной федеральной помощи, осуществляемой по разным каналам (на строительство метро, на 1000-летие Казани и др.). В Ленинградской области очень осторожно, с использованием пилотных форм, вводится монетизация жилищно-коммунальных услуг, население пока оплачивает их на 77% при нормативе 100%. О других регионах, принявших решение о полной монетизации, данных найти не удалось.

Большинство регионов монетизировало льготы в той или иной степени, при этом выплаты населению были разными, как и набор монетизируемых льгот, примеры приведены в таблице 1.5.2. Среди относительно развитых регионов уровень компенсаций различался от 1500 руб. в Ненецком АО и 500 руб. в Вологодской области до 100–120 руб. в Башкортостане. В регионах с низкими доходами бюджетов выплаты, как правило, не превышают 200 руб., их первоначально не хватало даже на покупку проездного билета. После массовых выступлений городских пенсионеров, проигравших от монетизации льгот, федеральный центр выделил дополнительные средства регионам и разработал механизм льготных проездных билетов с частичной доплатой расходов из федерального бюджета. Возросшие затраты регионов на монетизацию льгот и выполнение новых расходных обязательств были частично учтены при расчете трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности. Без этого слаборазвитые регионы, особенно Ингушетия и Карачаево-Черкесия, в принципе не могли бы выполнять социальные обязательства, возложенные на них федеральными властями.

Таблица 1.5.2. Монетизация льгот в некоторых регионах (данные по региональным категориям льготников, февраль–март 2005 г.)

Регионы	Объем выплат, руб. в месяц	Сохранившиеся льготы
Полная монетизация льгот (заявлена в начале 2005 г.)		
Татарстан	200–300 Субсидия на оплату телефона — 80 Субсидия репрессированным и многодетным семьям на лекарства — 50 Льготный проездной билет пенсионерам — 200 Региональная субсидия по сглаживанию роста оплаты ЖКУ — в зависимости от уровня дохода на члена семьи	
Ленинградская область	300 — всем категориям (в начале 2005 г. труженики и тыла и репрессированные — 200) Социальный проездной билет Единые денежные компенсации (ЕДК) расходов на ЖКУ в двух муниципальных образованиях (Сосновый Бор и Всеволожский р-н), со второго полугодия ЕДК вводится на всей территории области	
Пензенская область	Первоначально — 100–150, с февраля 2005 г. — 170–220 Единый социальный проездной на городском и внутрирайонном транспорте — первоначально 50, с февраля — 120 (из Единой денежной выплаты – ЕДВ) Денежная компенсация 50% оплаты за телефон Билет выходного дня с 50% оплатой проезда в пригородном ж/д транспорте (апрель–октябрь)	Осталось 50% оплаты ЖКУ
Тверская область	Ветераны труда — 300, труженики тыла и репрессированные — 350 Детские пособия — 90 Прочие пособия: одиноким матерям — 180, многодетным семьям — 100 руб. на ребенка Единый социальный проездной в городском и пригородном автотранспорте — 64 (из ЕДВ), с 1 марта	нет данных
Тюменская область	Нет данных	50% льгота на проезд в пригородном ж/д транспорте с разным сроком по категориям или бесплатный проезд
Частичная монетизация льгот		
Ненецкий АО	1500	ЖКУ
Вологодская область	Первоначально планировалось 700, снижено до 500	ЖКУ
Мурманская область	450–500	Лекарства, ЖКУ
Санкт-Петербург	350 Льготный проездной — 230	ЖКУ
Томская область	300–500 льготный проездной, включая междугородный транспорт	ЖКУ
Иркутская область	300–460	ЖКУ
Архангельская область	350 льготный проездной 150–180	ЖКУ
Самарская область	280–400	лекарства, телефон, ЖКУ
Московская область	200–300 Компенсация за транспорт, оплату радио, антенны, проезд за пределами области — 80	Льгота за телефон, ЖКУ
Ярославская область	200–400	пригородный ж/д транспорт, введен бесплатный проезд пенсионеров в городском транспорте; ЖКУ
Омская область	220–300	Транспорт, ЖКУ
Калининградская область	200–300 руб. (телефон, лекарства, зубопротезирование) 200 руб. — ветеранам возрождения области (первые переселенцы в 1945–52 гг.) льготный проездной — с июля 2005 г.	Транспорт, ЖКУ
Орловская область	250	Лекарства, ЖКУ
Липецкая область	250 (с марта) льготный проездной — 100 руб.	ЖКУ
Пензенская область	200	ЖКУ
Мордовия	200 льготный проездной, в т.ч. студентам — 100	ЖКУ

Регионы	Объем выплат, руб. в месяц	Сохранившиеся льготы
Краснодарский край	200	ЖКУ
Псковская область	200	ЖКУ
Саратовская область	200	Транспорт, ЖКУ
Кабардино-Балкария	200 (ветераны) — 300 (труженики тыла) — 400 (репрессированные)	ЖКУ
Башкортостан	100–150	Лекарства, ЖКУ
Алтайский край	100–120 телефон — 80	ЖКУ, 50% лекарства
Новосибирская область	90–180 льготный проездной — 90–110	Лекарства, телефон, пригородный ж/д транспорт, ЖКУ
Ростовская область	Ветераны труда — денежная компенсация в размере 50% затрат на абонентскую плату за телефон и радио. (Денежная помощь малообеспеченным и многодетным семьям: ежемесячные денежные выплаты на ребенка под опекой 3180 рублей, на ребенка первого–второго года жизни 300 рублей, на детей одиноких матерей 140 рублей).	Остались почти все льготы: льготные лекарства, зубопротезирование труженикам тыла и гражданам, пострадавшим от политических репрессий; льготные проездные талоны в городском общественном транспорте, пригородном ж/д, водном, автотранспорте; ЖКУ
Владимирская область	Не монетизировали Льготный проездной билет пенсионерам –125 Льготный проезд в пригородном ж/д транспорте — 20	Все льготы
Не проводили монетизацию льгот		
Москва	Северная Осетия-Алания	Кемеровская область
Смоленская область	Ростовская область	Красноярский край
Новгородская область	Свердловская область	Эвенкийский АО
Дагестан	Челябинская область	Хакасия
Калмыкия	Ханты-Мансийский АО	Чукотский АО

Не касаясь социальных последствий плохо подготовленной монетизации льгот, о которых уже немало сказано, выделим ее последствия для регионального развития.

- Монетизация увеличивает различия в доходах населения «богатых» и «бедных» регионов, т.к. в большинстве регионов с более высокой бюджетной обеспеченностью выплаты выше.
- Ухудшается положение получателей выплат в северных и восточных регионах страны с более высокой стоимостью жизни, так как размеры компенсаций слабо учитывают фактор удорожания.
- Растет неравенство возможностей регионов в проведении социальной политики, поскольку на «бедные» регионы возложены непосильные для них социальные обязательства.
- Вместо унификации системы социальной защиты и финансирования социальных выплат институциализируется региональное дробление таких систем с запутанным и постоянно меняющимся перечнем выплат.

Монетизация льгот, проведенная таким образом, ведет к росту регионального неравенства в доходах населения, она действует в противофазе с политикой межбюджетного выравнивания (перечисления финансовой помощи из Фонда финансовой поддержки регионов), на которую федеральный центр направляет все больший объем средств. В результате правая рука не ведает того, что творит левая.